

Удалецкие
Сказы

С. Гольдфарб

КОТЁЛ ЧИНГИСХАНА

Приключенческая повесть

Удалецкие сказы

Станислав Гольдфарб

Котел Чингисхана

Издательство "Руда"

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гольдфарб С. И.

Котел Чингисхана / С. И. Гольдфарб — Издательство "Руда",
2020 — (Удалецкие сказы)

ISBN 978-5-9073550-0-2

Среди реликвий великого полководца Чингисхана источники называют таган и котёл. Легенды и предания говорят, что спрятаны они были на острове Ольхоне на Байкале. Поздние монгольские ханы предпринимали попытки поиска этих реликвий и доставки их в Монголию. Считалось, что они станут мощным стимулом для возрождения славы Монгольской империи. Главным закопёрщиком поиска реликвий был Очарой-хан, вассал китайского императора. Этот факт отмечен в исторических документах, относящихся к истории Сибири. Дипломатические службы Московского государства, сибирские управители, были извещены о посылке монгольских лазутчиков на остров Ольхон для поиска и перевозки реликвий Чингисхана. Именно эта история легла в основу повествования.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9073550-0-2

© Гольдфарб С. И., 2020
© Издательство "Руда", 2020

Содержание

Мифы? Легенды? Предания?	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Станислав Гольдфарб Котёл Чингисхана

Мифы? Легенды? Предания?

Российский академик Г. Ф. Миллер, участник Великой Северной экспедиции (Камчатской), в книге «История Сибири» в главе «События древнейших времен до русского владычества» в параграфе четыре писал: «Древности, находимые в большом количестве в южных местностях Сибири, являются доказательством того, что история Чингисхана и некоторых его преемников имеет ближайшее отношение к истории Сибири. По этим древностям можно вывести ясное заключение, что хотя названные местности не являлись главной территорией царства, но все же составляли немалую часть его, и что тут жили многие принадлежащие к нему могущественные поколения. Сколько видно в разных местах в степях остатков древних укреплений, какая масса каменных памятников, болванов, старинных могил и разных принадлежащих им предметов встречается во всех этих местах! Каких только драгоценностей из золота и серебра ни было во всех этих могилах! Кому же другим могли принадлежать эти богатства, как не древним татарам, которым, как известно, достались в добычу все сокровища Китая, Персии, России, Польни, Богемии и Венгрии. Однако, чтобы избежать излишних подробностей и не повторять напрасно уже имеющегося в печатных трудах, я намерен привести здесь лишь то, что к изъяснению татарской истории стало мне известно благодаря моим собственным разысканиям».

Далее в параграфе пять отметил: «По рассказам монголов, Чингисхан имел свое главное местопребывание при реках Ононе, впадающей в Шилку, и Куринлуме, впадающей в озеро Далай. Они же рассказывают, что Чингисхан иногда доходил со своим кочевьем до озера Байкала. Доказательством этого должен будто бы служить таган, поставленный им на горе на острове Ольхоне, который находится на указанном выше озере, и на тагане большой котел, в котором лежит лошадиная голова. Хотя я не получил подтверждения этому от бурят, живущих в окрестностях озера Байкала и на острове Ольхоне, я все же считаю приведенное известие о владениях Чингисхана весьма вероятным, так как первые завоеванные Чингисханом земли – Китай и Тангут – лежат поблизости. Бедность тамошних древних могил указывает, что прежние обитатели этой страны жили очень просто и находились в почти полном неведении того, что такое сокровища и драгоценности, но как только достались им такие богатства из Китая и Тангута, они распространили свои жилища далее к западу...»

Существовали ли таган и котел на самом деле, были ли они спрятаны на Ольхоне, точно никто сказать не может. Но хорошо известно, что поздние монгольские ханы предпринимали попытки поиска этих реликвий и доставки их в Монголию. Считалось, что если сокровища будут найдены, они станут мощным стимулом для возрождения славы Монгольской империи. Главным заперщиком поиска реликвий был Очарой-хан, вассал китайского императора.

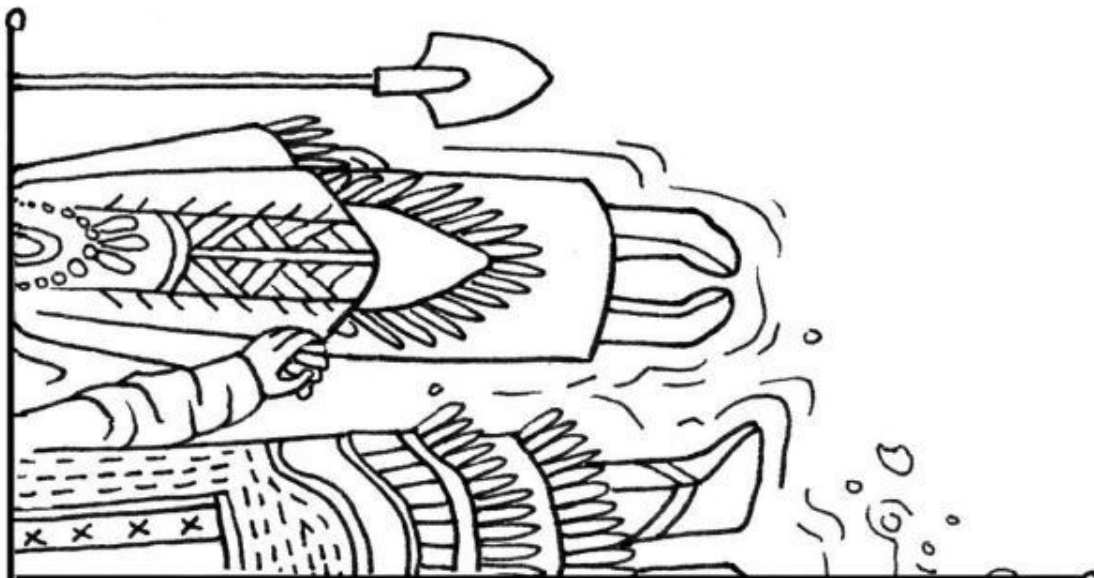
Этот факт был отмечен в исторических документах, относящихся к истории Сибири, значит дипломатические службы Московского государства, сибирские управители были извещены о посылке монгольских лазутчиков на остров Ольхон для поиска и дальнейшей транспортировки реликвий Чингисхана.

Именно эта история легла в основу нашего повествования.

Станислав Гольдфарб

Глава 1

Пять тысяч лет тому назад

– Вигдор! Я ищу тебя по всему Ольхону! Ты не представляешь! Они, кажется, сошли с ума! Я тебе точно говорю – свихнулись! Прыгают вокруг раскопа, как обезьяны, вопят, обнимаются! Либо «приняли», либо перегрелись! То есть, вначале «приняли», а затем перегрелись! Нормальные люди себя так не ведут!

Вигдор, которому обращалась Селина, лежал в гамаке, натянутом между двух огромных сосен, и не двигался, несмотря на вопли своей помощницы. Соломенная шляпа была надвинута на лицо, и понять, спит он и ничего не слышит или ему все равно, что происходит на этом самом раскопе, было сложно.

Селина пыталась привлечь его внимание, но он не шевелился и не проявлял и тени интереса к ее звонкому голосу, который оглашал лагерь.

– Я сейчас изрежу твой гамак и ты грохнешься на землю, – угрожающе сказала девушка и решительно направилась к Вигдору.

Из гамака донеслись признаки жизни. Тот, кого звали Вигдор, медленно поднял руку, потом другую, потянулся, убрал шляпу с лица, лениво зевнул и произнес:

– Селиночка, столько экспрессии, к чему? Присядь, успокойся. Ты вся запыхалась, бегая по острову в поисках меня. А я тут, прохлаждаюсь. Провести недельку на Байкале, на Ольхоне, дикарем, с костерком, рыбалочкой, купалочкой! Сбылась мечта! И у меня нет ни одной идеи по части орущих археологов, зато есть страстное желание дотянуться до бутылочки запотевшего от прохлады пива, которая лежит в багажнике моей машины в холодильничке. А? Селиночка? Ты можешь сделать работодателю приятное, доставь пивасик?

– Да чтоб тебя, городской бездельник. Смотри, за твою крошечную лень духи острова нашьют бессонницу и будут преследовать все отпускные дни и ночи, а комары и мошки...

Почувствовав, что никакие заклинания не сдвинут Вигдора, она метнулась в сторону машины и выудила из походного холодильничка пиво.

– На, упейся, эксплуататор человеческого материала.

– Спасибо тебе, душа моя, она же помощница и юрист нашей маленькой чудесной компании.

– Ну, Вигдор, пожалуйста, послушай меня. Все очень серьезно. Парни с катушек слетели, они орут! Они прыгают, как обезьяны! Так орут, что, возможно, мировое открытие сделали... Ну реально!

– Селиночка, между прочим, открытия не делаются. К ним идут долгими годами... Ну, право, какое еще открытие? Что ты понимаешь в археологии? Они нашли могилу Чингисхана или по крайней мере откопали его котел?

– Не знаю, что они там откопали, но, судя по воплям, «что-то», и поэтому ты сейчас встанешь, пойдешь к раскопу и посмотришь, отчего твои приятели сопели с ума и как им можно помочь!

По выражению лица Селины он понял – она не отстанет, и ему придется идти к раскопу, где научные сотрудники Герман и Михаил работали уже несколько месяцев и, судя по рассказу Селины, «что-то» нашли.

– Ладно, побрели на раскоп. Но предупреждаю, если это опять пара зубов шерстистого носорога, хвост огромного оленя или копыто первобытного лося, я сам тебя съем. Ты поняла меня? Меня даже кость мамонта не впечатлит...

– Жenuшку свою ешь!

– Она на гастролях, – мечтательно произнес Вигдор.

– На каких еще гастролях, «писхатель»?

– Она сопровождает сокровища художественного музея в Петербург – там выставка древней сибирской иконы.

– Слышь, муж гастролерши, попели уже, история может не простить нам промедления.

...Раскоп находился недалеко от ручья, который уходил в Байкал, и это было само по себе интересно, если знать, что водостоков на Ольхоне почти нет. Откуда брал свое начало этот, никто не поинтересовался: бежит себе и бежит...

Остров Ольхон был самым крупным на море. Местные никогда не называли Байкал озером – только морем! Они-то хорошо знали, каков он – в гневе с большой волной, пронзительными и мощными ветрами, землетрясениями и провалами, когда под воду уходили гигантские куски суши. Остров Ольхон – сотни километров тайги, пустыни, тундры и лесостепи. Все в одном месте, посреди древнего моря, полного загадок и тайн.

Михаил и Герман, университетские археологи, при первой возможности сбегали сюда из Лесовска и увлеченно «копали». Они фанатично веровали в идею, что Ольхон в древнем прошлом был священным центром прибайкальских племен и народов. Здесь жили люди курумчинской культуры и легендарные хунну. Империя Хунну вообще была коньком этой парочки. Рассказывать о таинственном народе, создавшем великую империю, а затем исчезнувшем, растворившемся в истории, словно его и не существовало никогда, они могли часами напролет. Хунну того заслужили! Хунну создали могучий союз племен от Енисея до Манчжурии и от плато Ордос до Байкала!

...Вигдора Герман и Михаил позвали с «корыстной целью». Денег на экспедиции не хватало. А тут еще появились «черные» археологи, для которых никаких правил, а тем более законов, не писано. Вот и решили залучить на это лето известное «перо». Кто откажется от публикации своих очерков про работу археологов, жизнь таинственных жителей глазковского времени, которые создали учение о загробном мире как продолжении земной жизни! Погребальный культ они превратили в сложнейшее представление! В плиточные могилы стали класть предметы труда и вооружения, пищу и украшения. И магия! Они свято верили, что магическим путем можно воздействовать на души и духов. Неужели после таких рассказов не найдется богатый любитель старины?! Неужели не захочет организовать новые экспедиции? Вигдор на предложение откликнулся сразу и с радостью. Сам бы он ни за что не собрался в поход – то

одно, то другое... А тут счастливый случай – опытные организаторы, остров Ольхой, вода и солнце, отличная компания. Осталось набить рюкзак – и вперед...

Селина увязалась за ним, причитая, что даже на Байкал не может съездить, ведь день и ночь она «батрачит» на контору.

Ольхонская палаточно-костровая жизнь Вигдору сразу понравилась. Она оказалась простой и исключительно жизнерадостной. Никакой тебе суеты. Археологи уходили на работу ни свет ни заря. Общей побудки никто не устраивал— выползали из палатки к утреннему чаю по своему усмотрению. И никакого тебе режима или графика. Хочешь— броди по берегу, хочешь – становись следопытом и изучай местные достопримечательности. В Хужире – административном центре острова – приличный музей и библиотека. До чего же приятно отвечать за самого себя!

...Все вместе собирались только ближе к вечеру, когда усталые археологи возвращались в лагерь.

Селина и на отдыхе нашла себе дело – из лучших побуждений она решила помочь местной администрации наладить документооборот. И потому Вигдору никто не мешал «прожить» жизнь – то в гамаке, который устроили между двух огромных сосен, то на берегу, где песочек и теплые заливы, и малолюдство...

Время от времени Вигдор отпраивался на раскоп. Молча устраивался поблизости и наблюдал за работой. Во время «перекуров» ребята, оставив, как они выражались по-научному, «стоянку» пращуров, пели к нему в тенечек, отвечали на вопросы, полагая, что он уже сочиняет увлекательную историю про жителей древней Ангариды и Байкалии. Потом снова возвращались к своим «артефактам»...

Вечером же собирались у костра. Появлялась бутылочка настоечки на кедровых орешках и каких-то травках, в целебную силу которых верили неистово и свято. Настоечки, между прочим, делал самолично Вигдор, это было его хобби, поэтому в качестве их никто не сомневался. Селина со знанием дела резала здешний деликатес – рыбу омуль и хариус, которых называла любовно и нежно «рыбочка», и все с удовольствием опрокидывали стопочки, искренне поминая местного бурхана – духа острова, рассуждая о полезности после трудового дня расслабиться и еще про то, что теперь все гонят самогон, дабы не помереть от всякой гадости под маркой элитных напитков. Чудо, а не вечера, теплые, тихие, ленивые. Ко сну и то лень было отойти.

Так и проходили эти отпускные дни и ночи у Вигдора: хочешь – ешь, хочешь – спи, хочешь – валяйся в дырявом гамаке, хочешь – вообще ничего не делай, не возбраняется...

Да вечером, после стопочки-другой, можно было петь под гитару, глядя в ольхонское небо, не переживая за чуткий сон соседей за стенкой.

Петь тянуло после первого же тоста. У археологов все песни были про пращуров, про матриархат, про тяжелую долю неандертальца или питекантропа. И была там обязательно та, которая солнышка краше, каждым днем по-царски светло и питекантроп, который готовил копье и сражался за прекрасные губы ее...

Ночи были темные, теплые и звездные. Байкал подкидывал свои вздохи прибойной волной, и было так замечательно, что расходились по своим палаткам уже ближе к полуночи...

Герман и Михаил, что называется, рассказчики от бога. Они без умолку посвящали Вигдора и Селину в историю великих хунну – народа, который властвовал над огромными сибирскими землями; рассказывали о шаманах и их обрядах, о хари, булагатах и эхиритах, предках бурятского народа, которые именно здесь, у байкальских берегов, жили своими племенами...

Однажды, когда костер почти догорел и напелись вдоволь, Герман заговорил о пребывании на острове великого Чингисхана. С чего он затеял этот разговор? Бог его знает, может,

что навеяло, может, вспомнилось, а может, решил перед Селиной блеснуть эрудицией. Но про Чингисхана слушать интересно всем, все и всегда.

– А вы знаете, что Чингисхан, по преданиям, специально приезжал на Ольхон и размышлял о жизни у подножия святой горы Ерд?

И все притихли, словно бы специально прикатили на Ольхон, на этот берег, к этому костру, чтобы узнать таинственную историю великого монгола...

– Чингисхан любил остановиться и пожить на берегах рек Онон и Кирилум. Одна впадала в Шилку, а другая в озеро Далай. Но во время кочевок он всегда доходил до Байкала, где обитали таежные люди. Здесь, у горы Ерд, он просил своих воинов оставить его одного. Великий монгол думал о будущем и вспоминал свою жизнь.

Однажды он приказал поставить на самой высокой горе острова таган, а на нем огромный котел, в котором была лошадиная голова. Тогда же он завещал похоронить себя в пещере в шаманской скале. Правда это или нет, сказать сложно, – заключил Герман. – Но мы с Михаилом неоднократно встречали подтверждения избранности Ольхона. Святое место для народов, которые жили вокруг Байкала...

...Направляясь к раскопу, Вигдор почему-то вспомнил именно эту историю.

Еще издали он увидел, что археологи сидят на корточках у края раскопа и молча взирают на свое открытие. Это мало походило на сумбурный рассказ Селины. Все было тихо-тихо, что, вероятно, и соответствовало торжеству момента.

Вигдор присел рядом с учеными, взглянул вниз и не удержался от возгласа удивления.

– Парни, я не знаю, на сколько веков тянет ваша находка, но впечатляет.

Герман и Михаил продолжали молчать, не отрывая взгляда от раскопа.

– «Парное захоронение» – мужчины и женщины, – наконец «ожил» Михаил.

Герман добавил:

– Скорее всего, пожилой мужчина и его жена или наложница. Похоже, эти ребята глазковской культуры бронзового века.

– Ты так считаешь, – все так же отрешенно, без особого удивления уточнил Михаил.

– Предполагаю.

– Тогда ребятам более четырех тысяч лет!

Археологи снова замолчали.

Руки глазковцев были соединены. В глазнице у мужчины находилось кольцо из белого нефрита. Еще три лежали у него на груди. В коленях находился кожаный мешочек, потом в нем нашли металлические инструменты неизвестного назначения. На черепе и ногах мужчины – подвески из зубов мускусного и благородного оленей.

Рядом с женским скелетом лежал нефритовый нож.

– Герман, мы сделали это! – вдруг истошно заорал Михаил и стал отстукивать руками какой-то ритм, ударяя по земле, по коленям, плечам... – Мы доказали, что глазковец был здесь не гостем, он хотел покоиться на этом острове, возможно, считая его священной землей! Ого-го! Е-ей!

– Ну все, второй пошел, – четко и громко сказал Герман и тоже пустился в пляс, выделывая коленца, которым позавидовал бы любой участник ритуальных танцев африканского племени.

«Селина, похоже, была права», – подумал Вигдор.

Несколько минут археологи «дурачились», а потом упали на землю и замерли в позе найденных ими глазковцев.

Вигдора они словно бы и не замечали.

– Прошу прощения, не помешал?

– С чего бы, – не стовариваясь, одновременно ответили Михаил и Герман, продолжая лежать рука об руку в позе таинственных обитателей бронзового века.

– И долго вы так, уважаемые, будете входить в роль найденных экспонатов?

– Вигдор, ты испортил нам следственный эксперимент, – Герман поднялся первым и протянул руку Михаилу, помогая подняться.

– Как я понимаю, передо мной мировая сенсация?

– Ну, мировая или нет, углеводородный анализ покажет. Пока не ясно, но чтоб вот так! Ничего подобного точно не находили. Чтоб вот так рука в руке, почитай, первый раз за всю археологическую историю... Жалко, сезон заканчивается. Да и финансы поют романсы. По уму надо бы расширить раскоп, поискать вокруг. Похоже, не последняя находка. Чую нутром.

– Да, на этот год все истратили, – согласился Михаил.

– А вот если бы найти котел Чингисхана. Такая находка стопудово потянула бы на сенсацию! Тогда бы Нобелевская премия без сомнения! Тогда бы мы, Миша, соорудили стеклянный купол и вели бы раскопки под ним круглый год!

– Что, до сих пор не нашли реликвию? – Вигдор внимательно посмотрел на ученых.

– Увы, увы! Где и кто только не искал! Даже монголы в семнадцатом веке засылали сюда своих разведчиков. Для них найти котел было делом государственной важности— реликвия Чингисханова могла сплотить нацию. Но чуда не произошло.

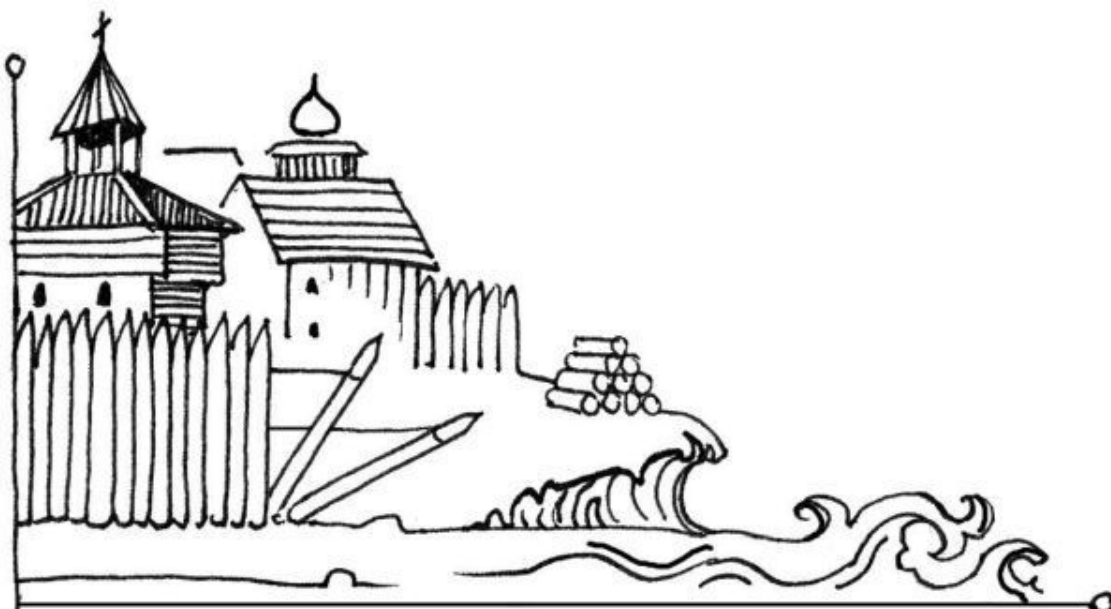
– Ты вот что, Вигдор ибн Борисыч, покарауль тут малость, а мы с Герой смотаемся на почту, телеграмму в Лесовск отстучим. Пусть подмогу шлют для усиления нашего отряда, так сказать, в связи с новыми открывшимися обстоятельствами. Нам сегодня ночевать придется у раскопа. Слухи-то быстренько расходятся, наверняка любопытные найдутся.

– Покараулю, святое дело. Только, мужики, до первой звезды ни-ни. Но чтоб к ужину мое рандеву с этой, как вы изволили выразиться, глазковской парочкой завершилось. Не хотелось бы эти ваши артефакты под звездным небом в одиночку наблюдать. Жуть!

...Потом, уже в лагере, после ужина, когда костер едва тлел и они с Селиной, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по палаткам, в сумеречном пространстве брезентового купола Вигдор мысленно возвращался и возвращался к словам археологов о поисках котла Чингисхана. Как-то сама собой память стала «перелистывать страницы», и, засыпая, Вигдор смутно стал припоминать, что где-то уже слышал о странном монгольском десанте на Ольхон времен Иркутского острога...

Глава 2

Звонец и емануха

Недалеко от реки Ангары, ближе к крутояру стоит сруб. Бревна один к одному – в обхват. Настоящий стеновой лес. У сруба плоская крыша, дверь низенькая, оконца— волоковые – закрываются изнутри задвижной доской. Это зимовье. Ничего мудреного на первый взгляд. На деле все сделано с хитростью. Потолок – двойной. В нем – вход-выход. А по всему периметру парапет брусчатый для стрельбы – не ровен час, нападут немирные таежные люди.

...Чуть поодаль от зимовья из сугроба, наметенного ночной пургой, торчит большой крест.

Раннее утро. Из дверного проема бочком протиснулся молодой парнишка. На нем старенький зипунишка, накинутый на плечи. На голове аська – теплая шапка без ушей, на ногах кагушки из косульих камусов, выменянных у тунгусов. Поеживаясь и зевая, парень засеменил вокруг зимовья осмотреться – нет ли чужих следов...

Один за другим выходят другие зимовщики. Их мало. Большая часть ватаги еще вчера отправилась собирать ясак. Возвращения ждали ближе к вечеру.

...Каждый сразу принялся за дело. Один пошел к речной проруби за водой, другой подколол дров, третий проворно, чуть ли не на лету хватая из под звонкого колуна чурочки и, складывая их в охапку, таскает в зимовье. А там уже разгорелся огонек в наспех сбитой еще осенью печке, и скоро из дыры в крыше пошел сероватый дымок.

...К тому времени, когда было готово немудреное варево и зимовщики собрались к столу, сколоченному из нескольких лесин, работы переделали немало.

– А что, Ефимий, какой те сон наведни грезился? – спросил молодой казачок.

– Саммо лучший, – откликнулся Ефимий, известный среди зимовщиков рассказчик.

Был он родом из поморских, в Сибирь подался не от любопытства. О том отдельная история. Грамотных с радостью брали передовщики, полагая, что те быстрее выучат братские языки и будут с местными толковать на равных. Опять же, когда надо – составят отписку воеводе.

Русая окладистая борода – Ефимий шутил, что в тайге с такой бородой теплее, – придавала ему вид дружелюбный. Пышные усы овалом сливались с бородой. Он располагал к себе,

так что, когда не ладились переговоры с таежными и братскими людьми, Ефимий был тут как тут. Брови русые, глаза – при любой погоде – лучатся, как будто в каждом по искорке солнечной. Оттого, если даже и сердится Ефимий, глаза смеются. Смеются и все тут, ну как на такого сердиться можно?!

И во всем своем облике статный мужик – не крепыш, не худощав, а все в самый раз. Роста Ефимий был среднего, верткий, спорый на руку. Топор держал крепко и орудовал им умело, так, что казалось – не массивный инструмент, а ножик в его руках.

Походка у Ефимия была твердой, как у атамана. А коли на лыжах надо по следу сбегать, тут и вовсе равных не было.

Ефимий был прост и доступен. Балагурил, мог часами забавлять ватажников, рассказывая о своих странствиях, о том, как ходил на Лену, о казенной службе в Енисейске. Но коли потребно бывало осадить нерадивого, завести серьезный разговор, рассудить спорщиков – переключался быстро. Зимовщики доверяли ему и прислушивались к советам. Ватага уважала и было за что – проверялся не раз на крепость и смелость. Про таких говорят «опорный мужик».

– Расскажь тогда!

– Ишь чего... К словам, Кирька, надоть относиться с бережью. Не ровен час, украдешь. Сон увидеть – это тебе не бурдук сварганить.

– Не упирайся, Ефимий, расскажь, – поддержали Кирьку товарищи. – Был сон – да с голком ушел. Не обеднеешь, поди?!

– Ой, не знаю, ой, не знаю!

– Эх ты, подельничек. Да и не было, поди, сна, набрехал. Ну точно, набрехал, – не уни-мались зимовщики.

– Не был? Как же, был, – спокойно, чуть протяжно выдохнул Ефимий. – Еще какой! Ну, слушайте, все одно от вас не отбиться.

Все замерли в предвкушении рассказа.

– Так вот, снился мне звонец и емануха!

– Колокольчик и коза?! – протянул Кирька.

– Завирай, да меру знай, – тонким голосом пискнул Михей, мужичок, приставший к ватаге по дороге.

– Кто неправдой живет, того бог убьет, а кто правдой живет, тот добро наживает, – парировал Ефимий, не глядя на Михея. – А то могу и вовсе замолчать, кажись, не напрашивался.

На Михея зашикали, и он обиженно умолк.

– Коза, браточки мои, дело верное, к дому и теплу.

– А звонец? – не выдержал Кирька.

– Знамо дело, звонец к дороге.

– А куды, вперед? Назад? – снова встрял Михей, опасливо посматривая на ватажников. Не ровен час, побьют.

– Уперед.

– Братцы, братцы, ой-е-ей! – Михей даже подскочил на чурбачке, подпрыгнул, как мячик, и снова «упал» на деревянный обрубыш. – Куда же вперед?! Там и земли-то, поди, нет.

Он нахохлился, словно петух перед боем.

– Сказ же шел – возьмем ясак и айда по домам.

– А иде он, дом-то? У какой стороны? – невесело сказал рыжий, с рыжей бородой детина по прозвищу Хват. – Откуда пришли – не ждут, куда пойдём – гостями будем. Это что ли дом?

Хват с силой топнул ногой о земляной настил зимовья.

– Не спорьте, браточки. Что вперед, что назад – дорога у нас одна по судьбе – трудная да работная.

– Верно, Ефимий, словно быки упираемся.

– Ну, ты-то, Михей, упираешься, а то как же! Все больше у печки сидишь, варево нюхашь, – буркнул Хват, и все дружно засмеялись.

– Да, сдается, долгонько здесь просидим. Это я во сне тоже узрел. Емануха к дому. Куда денешься.

– Стоячая вода гниет, – не унимался Михей. Он никак не хотел смириться с мыслью, что в этом пустынном месте придется задержаться надолго.

– Коли начнем рубить острог – не скиснет, – перебил его строго Ефимий.

– Острог! Опять, поди, приснилось. Острог! Поди, соврал? А?

Михей соскочил с чурбачка и забегал по зимовью.

– Сядь, не елозь, – поймал его Хват и усадил на место.

– Может, и вру, а только емануха- к дому, звонец – к дороге.

– А что ж дорогу с острогом связывает?

– Да ты, Михей, мало того, что шумный, так еще и слепой. Что тайга дремучая, лес непролазный? Звериный дом, а коли острог тут станет? Дорога пройдет. Глядишь, купчики объедятся. Допер?

– Эх-ма, было жилье, еда да питье, будет житье, как встал – так завывает. То-то я гляжу, атаман каждую лесину, словно дите родное, обнимает.

Все замолчали. Даже Михей – и тот притих, осмысливая услышанное.

Слова Ефимия смахивали на правду, и ее надобно было осмыслить. Одно дело – по тайге бродить, ясак брать, с братскими мены вести. А острог ставить – ого-го... Самим, своими же руками, на голой земле, не защищенной от ветров и дождей, не укрытой от вечных сибирских метелей и морозов, рубить крепость, башни дозорные, амбары, избы. И церковь! Как же без нее...

Тут было над чем призадуматься...

...К вечеру вернулись ясатчики. Ефимий сразу понял, что сбор прошел удачно. Атаман, обычно задумчивый и неразговорчивый от вечных тревог и сомнений, а еще постоянных опасностей, что на каждом шагу подстерегали сборщиков в сибирской земле, сейчас был спокойным и, кажется, даже довольным. Где-то «потерялась» знакомая и привычная складка на лбу, и глаза, точно помол одевшие, искрились. Значит, соболя, песка и белки взяли довольно.

Служилые живо разболوکлись и, под нескончаемые расспросы покидав одежду у входа, уселись за стол, оглаживая от удовольствия бороды, потирая руки в предвкушении ужина в тепле, среди своих. А пока Кирька и Михей метали на стол немудреную еду, обсуждали поход.

– Ох, Ефимий, чуть не забыл, подарочек для тебя, на-ка, прикинь.

Атаман передал Ефимию лисий чебак под белкой.

– Князец Яндаш жалует тебе. Носить – не переносить. Видно, шибко ты его песнями своими пронял в прошлый раз.

Все понимающе загудели – богатый подарок и полезный.

– Теперь твоей башке никакие морозы не страшны, сны сами попрут.

– Спасибо Яндашу, справный мужик. И малахай справный. – Ефимий тут же примерил обновку под одобрительные возгласы товарищей.

– Атаман, дозволю слово.

– Говори, Михей, дозволяю, коли слово. Но, знаю, ты у нас велеречив шибко. В слово-то не уложишься.

Зимовщики дружно засмеялись.

– Он в словах своих, как заяц в тайге – прыг-скок.

– Лиса, лиса, уж больно хитрован.

– Нас-то он уже уморил своими расспросами, пока вы у ясашных пропадали. Пришло время за вас взяться. Держись, атаман, – пробасил Хват.

Атаман был явно в хорошем настроении и махнул рукой, делая знак, чтобы все замолчали.

– Пойдите, пойдите, мужики, пусть слово скажет, – утихомирив подельников атаман. – Давай, Михей, выкладывай, что хотел.

– Ты скажи, нам, атаман, Христа ради, скажи, доколь сидеть здесь будем. В этой избе лесной. Ни назад, ни вперед не ходим. Вот уже и харчишки на исходе, одежонка пообносилась, солнце видим только сквозь кедрач.

Служилые удивленно переглянулись. Сразу ясно – не вольной крови человек. Прибился к ватаге случайно и мается теперь по своей же глупости. Разве плохо на эдаком-то приволье?! И просторно, и легко без вечного хозяйского окрика. Чуть что – наказание, а то и вовсе забьют или покалечат боярские холуи.

А что атаман бывает строг и гневен, так на то он и атаман, на то и передовщик. Поминать старое – шевелить костями.

Ефимий опять удивился. Словно бы не услышал атаман Михеева дерзкого слова. В другой бы раз выгнал из избы на мороз остудиться, а то и вовсе подзатыльников надавал. И то – встал со всеми – терпи, не проявляй слабины. А нынче атаман лишь усмехнулся.

– Ладно, служилые, – начал атаман разговор, растягивая слова. – Сам хотел с вами посоветоваться, но успел-таки Михей поперед батьки в пекло залезть. Простим ему на этот раз. Остудись, мужик! Схлынь! Коли к делу приставлен— делай! Слаб – не держу, но под ногами не вертись, лучше уходи, не ровен час, затопчут.

Атаман замолчал. Ватажники тоже притихли. Притих и Михей, проклиная уже свою несдержанность. Знает он не на словах тяжелую руку атамана.

Тот между тем достал из-за пазухи кожаный футляр, который был всегда при нем, и вытащил из него свернутый лист бумаги.

– Вот, служилые, грамота государева из Енисейского воеводства у меня. Пришло время сказать о том.

Казачи согласно закивали головами – известное дело, ясак по указу берут. О том в бумаге должно быть записано.

– Ефимий! – громко позвал атаман. – Зачти! Грамотей прокашлялся, подошел к атаману, бережно взял царскую грамоту и в полной тишине, в которой, кажется, даже треск сухого полена в огне затих, стал читать. А был в той грамоте приказ строить Иркутский острог...

...Шел 1661 год. Зима заканчивалась. Время от времени она еще напоминала предвесенними метелями, ночной пургой, которая за ночь вновь одевала лес в белые снега. К обеденному солнцу они падали с деревьев, ухая, и глухая чащоба смотрелась уже не так сурово. Потихоньку снег начинал оседать, становился серым, и, кажется, даже птиц стало больше. На лыжах уже не пробежишь, чуть надавишь на покров – и мокро. А на Иркуте полыньи и промоины...

...Переругались не по разу, со счета сбились от споров. Чуть было драка не случилась из-за места строительства Иркутского острога. Сколько места кругом – от восхода до заката. Опять же, до Байкала недалеко, почто между Иркутом и Ангарой место высматривают? А то на середину реки выплывут, заякорятся и глядят, глядят на берег. А чего там часами глядеть? Берег да и берег себе – подлесок, холмы, к горизонту опять подлесок да холмы...

Но нет, с воды видится совсем иное – жизнь строится на земле, значит на нее смотреть важно в первую очередь— сколь перспектива широка: поди, расти острог будет, посад, слободы появятся, не слишком ли взгорок от воды крутой – причалы ставить надо, водой снабжать острожников... Опять же, дорогу где вести, чтоб купец зачастил по удобным подъездам... Много разного с воды видать. И только потом смотрели с холмов, что обступали реку, то приближаясь к ней, то удаляясь от нее.

Каждый приводил свои резоны. Послушать – все доводы по уму и все по делу. Тут берег высокий, значит, со стороны реки защита, а здесь гладь до самой реки. Тоже хорошо – под пашню само то и вода рядом. И горизонт чист – значит, врасплох заставу не возьмешь. Но у Ангары леса нет. За несколько верст таскать вековые лесины замаются служилые. Лошаденок то раз-два и обчелся.

...Всю весну готовили лес. Знатоки стучали по бревнам костяшками пальцев, прикладываясь ухом к лесинам, уложенным в штабеля для просушки. Что-то выслушивали, высматривали, выглаживали... Спорили, бракуя, казалось бы, отменное бревно.

Потом искали подходящий камень, который идет на фундамент, потом на волокушах, впрягшись по несколько человек, таскали его к месту будущего строительства.

Енисейский воевода торопил, у него, стало быть, свои резоны острог ставить – столица толкала в спину, поторапливала. И то, каждая новая крепость в Сибири – козырь в переговорах с немирными князьями, которые высматривают, кто посильнее да пощедрее будет. И хотя с брацкими научились договариваться скоро, монгольские вожди, немирные тунгусы беспокоили постоянно. И Поднебесная, хотя и далека от коренной Руси, тоже планы на Сибирь имела. Далека! Выходит, не так уж далека, коли великий монгол Чингисхан полмира воевал, а уж к Байкалу, по легендам, подходил не раз...

Острог, острог, еще острог, еще... глядишь, и целые линии крепостей опоясывают новые владения государства российского и свидетельствуют, что русские здесь навсегда.

...Яков Похабов, отправленный в поход на строительство Иркутского острога, был суровым атаманом. Он считался удачливым передовщиком, знающим дело, и решения, как правило, принимал единолично. Был уверен в своей правоте. Но строительство острога – это особая наука, и он слушал всех. Когда сомневался все-таки, без советчиков шел к Иркуту, напрямик туда, где он впадает в Ангару, и приглядывался, прикидывал, насколько удачным будет место под острог. А то забирался на взгорок, с которого открывался чудный вид на облюбованные земли, и опять приглядывался, прикидывал. Невозможно ошибиться!

...Да уж, место под острог выбирали тяжело. Переругались, кажется, все со всеми. Долго, в спорах, порой чуть было на кулаках не сшибались, прикидывали, как ставить тын, где будут дозорные башни, амбар, пороховой погреб...

Даже к истоку ангарскому у Байкала присматривались, несколько дней жили у моря. Ох, и великое море, могучее, беспокойное.

У истока, напротив того места, где торчала скала, видно было, с какой силой вода убегает от Байкала: пенилась, облизывая камень, норовила подняться выше и обнять его весь, утащить за собой эту помеху, торчащую занозой между Байкалом и Ангарой.

...В то время Похабов «открыл» для себя другого Ефимия. В осторожном строительстве оказался он человеком сведущим. Опять же, грамотей. Слухи-то ходили, что Ефимий не простой был ватажник. В первопрестольной жил, в приказах государевых служил. Да что-то там приключилось, с кем-то важным повздорил. Не стал ждать лиха, по своей воле напросился в Сибирь от греха подальше. А чего ему! Без семьи, без земли, без казны.

...Когда выбирали место для острога, часто к истоку Ангары ездили. Дневали и ночевали, все прикидывали да примеривали, может, в самом деле у Байкала крепость ставить? Давний тот разговор атаман помнил хорошо. Ефимий больше молчал, не встревал в спор, не гоношился, словно бы знал правильный ответ. И только когда атаман спросил его: «Может, стоит тут острог рубить?», Ефимий стал рассуждать вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.